

Стеблин-Каменский И.М. Памирские языки и мифологии древних иранцев // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности (II тысячелетие до н.э.). М., 1981.

Стеблин-Каменский И.М. Этимологический словарь ваханского языка. СПб., 1999.

Тихов Н.З. Болгарский дом и относящиеся к нему постройки по данным языка и народных песен // ИОАИЭ. Казань, 1891. Т. IX.

Фрэзер Дж. Дж. Золотая ветвь: Исследования магии и религии. М., 1986.

Thomas M. Prosper. Souvenirs de Russi. Épinal, 1844.

Morgenstierne Georg. Etymological Vocabulary of Shughni Group. Wiesbaden, 1974.

Turner R. L. Collected papers 1912–1973. L., 1975.

Е.Г. Царева

«ПЛЕМЕННЫЕ» КОВРЫ СРЕДНЕЙ АМУДАРЬИ КАК КУЛЬТУРНЫЙ ТЕКСТ

Одной из замечательных особенностей традиционной культуры является малая изменчивость ее материальных форм, порожденная стабильностью/сакрализацией разработанных для производства тех или иных артефактов технологических навыков и украшающего их декора. Значительные трансформации либо разрушение таких навыков и орнаментальных сюжетов происходят лишь с исчезновением породившего их феномена. До этого момента наработанные техники/формы/мотивы могут подвергаться инновационным процессам и совершенствоваться (в благоприятных обстоятельствах) или претерпевать определенную деградацию (в неблагоприятных условиях), но их характер и присущие явления идентификационные параметры остаются практически неизменными и легко узнаваемыми.

Сказанное относится в первую очередь к так называемым домашним занятиям, с их подчеркнутым тяготением к сохранению традиционных для социума-производителя знаковых форм. Товарное производство, в значительной степени ориентированное на вкусы рынка/заказчика и соответственно подверженное значительному влиянию последних, более подвижно в выборе разрабатываемых сюжетов, а иногда и техник. При этом следование «варварским» (чужим) вкусам и требованиям зачастую приводит к появлению интересного феномена, выражающегося в появлении предметов, чужеродных («ничейных») как для социума-производителя, так и для социума-пользователя, поскольку технология производства таких артефактов следует одной традиции, а форма и дизайн — другой, зачастую искаженной.

Одним из показательных с этой точки зрения явлений традиционной культуры является изготовление текстиля. Это исконно женское занятие, основные технологические приемы которого были разработаны в архаичный период, уже в древности приобрело локальные по времени и месту производства варианты. Текстильные техники и формы изделий были мало подвержены изменениям как в силу преемственности в передаче навыков ткачества «от матери к дочери», так и в силу знаковости каждого элемента текстильного артефакта: его внешних составляющих (декор), структуры получаемого полотна, формы изделия, равно как и самого процесса создания текстильного артефакта.

Рассмотрим ковроделие населения Средней Амударьи, главного, помимо туркмен-текинцев и иомудов, производителя ворсовой продукции в западной Центральной Азии. Особенность амударьинского коврового ткачества — наличие двух ярких стилистических линий. Одна из них была создана городской населением долины. Носителями городской традиции были потомки древних насельников территории, появившихся здесь в кушанский период, позднее потесненных волнами мигрантов, наиболее многочисленными из которых были огузы, арабы, сельджуки и пришедшие после монгольской катастрофы XIII в. переселенцы как с восточных, так и с западных территорий. Городская продукция представлена в основном большими постилочными коврами с растительными, анималистическими и икатными (абровыми) рисунками.

Вторая группа — продукция поздних по времени прихода на Среднюю Амударью туркменских групп, изделия которых имеют выраженный по формам и декору племенной характер. В результате в XVII–XIX вв. территория среднего течения реки была заселена весьма разнородным по происхождению и времени прихода в долину этническим конгломератом, основной доминантой в котором были туркмены-эрсари (южная зона). Это обстоятельство породило весьма распространенное в XIX в. и существующее и по настоящее время мнение, что все местные ковровые изделия с племенными формами и сюжетами создавалась ткачами именно этой группы. Более углубленные исследования, однако, доказали, что значительная часть изделий этой группы создавалась ткачами других туркменских племен (салоры, арабачи, др.).

Однако темой данного сообщения является третий, незначительный по объему, но яркий тип изделий, внешне, казалось бы, следующих туркменскому классическому племенному канону, но имеющих с ним значительные расхождения. К названному виду относятся постилочные ковры «халы»; небольшие по размеру изделия в форме настенных мешков «торба» и «чувал», а также такие подчеркнута значимые атрибуты приданого туркменских

девушек, как дверные занавеси «энси», «капундук», «гермеч» и свадебные попоны «асмалдык». К отличным от племенных ковров чертам относятся в первую очередь увеличенные по сравнению с классическими вариантами пропорции названных изделий. Столь же значимыми являются иные, по сравнению с традиционными туркменскими узелковыми структурами, показатели плотности и приемов вязки, искажение цветовой гаммы (в первую очередь системы расцветивания гёлей) и общий не-племенной стиль орнаментики при измененных в принципиальных деталях рисунках и частом использовании «городских» сюжетов.

Сказанное заставляет усомниться в туркменском происхождении таких предметов. Но если ковры с гёлями, пусть и «неправильными», и свадебные попоны с анималистическими и растительными сюжетами ткали не туркмены, то кто? Могли это быть городские мастера? Сравнивая оригинальную ковровую продукцию торгово-ремесленных центров Средней Амударьи с «псевдоплеменными» изделиями региона, мы находим массу подтверждений такому предположению. Основания для них дают как технические характеристики, так и особенности орнаментики и цветовой гаммы изделий, выполненных в традиции, корни которой мы сегодня возводим к бактрийскому слою центрально-азиатского ковроделия. Одновременно находит свое объяснение и такой фактор, как изменение (увеличение) размеров псевдо-племенных изделий по сравнению с традиционными для туркменской продукции параметрами. Причиной является разная плотность вязки, поскольку, копируя традиционный племенной рисунок, городские мастера делали это по счету узлов, но ткали с привычной для себя плотностью, которая в 1,5–2 раза ниже, чем в туркменских коврах. В результате искажались пропорции не только предмета, но и его рисунка. Аналогичное явление наблюдается в наши дни, когда ткачихи пытаются создать, скажем, салорские надверники «энси», но делают это, не используя специфическую салорскую вязку с большой депрессией, а применяя те «плоские» узлы текинского типа, которым их обучили при приеме на фабрику. Результат — увеличение размера занавеса и полное искажение рисунка, что не могут исправить ни применение тонкого шелка, ни повышение плотности вязки.

Примерно то же происходило и с системой расцветивания гёлей: городскими копиистами было утрачено понимание важности следованию канону, и в результате появились варианты «гюллигёлей» с синим и желтым фоном и др. Отдельная тема — применение в изделиях рассматриваемого типа растительных и анималистических сюжетов, манера подачи которых следует стилю изделий древнего не-туркменского населения региона.

Почему нельзя принять за верную широко бытующую версию, что эти вещи производили все же эрсари, воспринявшие местную традицию ткачества? Отрицательный ответ объясняется тем, что между временем прихода эрсари на Среднюю Амударью (конец XVII в.) и появлением изделий рассматриваемого псевдоплеменного типа (XVIII в.) прошло слишком мало времени для утраты племенем собственной традиции. Для сравнения можно рассмотреть ковроделие салоров — ранних (начиная с IX в.) мигрантов в северную зону долины Средней Амударьи. Ковровая продукция этого племени действительно имеет некоторую тенденцию к «врастанию» в местную манеру ткачества и систему образов, но демонстрирует лишь начальный этап процесса. Это маркируется некоторым изменением узла (утрата депрессии) и появлением более мягкой и светлой цветовой гаммы (наиболее вероятно, за счет особых качеств амударьинской воды), однако в целом все приемы и орнаментика сохраняются в традиционном виде.

Другой вопрос: почему туркмены, прекрасные ткачи, обращались к городским мастерам? Причин несколько. Во-первых, это могло быть для них проще; во-вторых, быстрее, особенно если требовалось срочно изготовить приданое. Свою роль мог сыграть и элемент особой привлекательности «экзотичности» (с точки зрения туркмен) таких изделий, которые действительно очень привлекательны и нарядны. И, несомненно, инициаторами явления могли быть сами профессиональные ткачи, готовые создавать племенные по виду изделия в обмен на необходимое для их работы сырье: овечью, козью и верблюжью шерсть. В любом случае, рассматривая ковроделие региона как своеобразный текст и применяя метод сравнительного анализа для его прочтения, мы находим еще одно яркое свидетельство функционирования системы тесных взаимоотношений, своего рода симбиоза Города и Степи в такой локальной точке центрально-азиатского региона, как долина Средней Амударьи.